

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

А.И. Изотов (Москва, Россия)

Рефлексы супина в современном чешском письменном дискурсе: опыт корпусного анализа

Аннотация: В предлагаемой статье на материале входящей в состав Чешского национального корпуса серии современных чешских письменных текстов SYN verze 8 (4,5 миллиардов токенов без учета знаков пунктуации) рассматривается функционирование в современном чешском письменном дискурсе рефлексов др.-чешского супина, формы которого, как принято считать, были вытеснены формами инфинитива еще до эпохи барокко. Анализ контекстов употребления 111 односложных чешских инфинитивов, теоретически способных, исходя из системы чешского языка более раннего периода, иметь не совпадающие с инфинитивом супиновые соответствия, показал, что супин как грамматическая категория в современном чешском литературном языке отсутствует и что единственным его рефлексом является сочетание глагола *jít* ‘идти’ с формой *spat* ‘спать’, отличающейся от формы инфинитива *spát* количеством гласного.

Ключевые слова: супин, инфинитив, корпусные исследования, письменный дискурс, чешский язык, Чешский национальный корпус

A.I. Izotov (Moscow, Russia)

Supine Remnants in Modern Czech Written Discourse: Corpus-based Study

Abstract: In the article, based on the material of the Czech National Corpus, namely corpora series “SYN version 8” (4.5 billion tokens large), the functioning of the remnants of the old Czech supine in the modern Czech discourse is considered. The forms of the old Czech supine, as is commonly believed, were supplanted even before the Baroque era by infinitive forms. An analysis showed that supine as a grammatical category is absent in the modern Czech and that its only representation reveals in the combination of the verb *jít* ‘to go’ with the form *spat* ‘to sleep’, which differs from the form of the infinitive *spát* by the brevity of the vowel sound.

Key words: supine; infinitive; corpus based studies; written discourse; Czech language; Czech National Corpus

1. Учебник по истории и диалектологии польского языка [Ананьева 1994] является блестящим примером информативно насыщенного учебного текста, в котором присутствуют не только некие общепринятые в научном сообществе факты и утверждения, но и положения, по поводу которых консенсус мнений еще не сложился, а также изрядное количество сопутствующей собственно языковым фактам информации. Подобный способ изложения, безусловно, предъявляет повышенные требования к тому, кто данным учебником пользуется, но зато с лихвой окупает себя, когда речь идет о действительно фундаментальной подготовке. История языка предстает не широкой и ясной «дорогой прямоезжей», а сложным комплексом дорог и тропинок, некоторые из которых в итоге заканчиваются тупиком. Или же тупиком мнимым, имеющим через какой-то интервал продолжение. В качестве одной из таких тропок с мнимым (?) тупиком можно рассматривать, как нам кажется, и историю чешского супина.

2. Унаследованные из праславянского языка формы супина в древнейших чешских памятниках первоначально заметно отличались от форм инфинитива.

Во-первых, после произошедшей еще в дописьменную эпоху утраты конечного слабого «ера» формы др.-чешского супина стали оканчиваться на твердый -t (у большинства глаголов) или на -c (у глаголов с праславянской инфинитивной основой на -k-/-g-), тогда как формы др.-чешского инфинитива оканчивались на -ti или на -ci соответственно, ср. формы супина *nest*, *nosit*, *spat*, *vlec* и соотносимые с ними формы инфинитива *nésti*, *nositi*, *spáti*, *vléci* (примеры из [Gebauer 1958: 79]), ср. также приводимые Фр. Травничеком формы супина *pec*, *tec*, *střic* [Trávníček 1935: 384].

Во-вторых, поскольку перед названным твердым [t] окончания / формообразовательного суффикса супина, в отличие от положения перед мягким [tʲ] окончания / формообразовательного суффикса инфинитива (получившимся из полумягкого [t̪]) еще в дописьменную эпоху не было основания для перегласовки [ʼa] / [ʼä] > [ie], в др.-чешских текстах мы находим фонетически закономерные формы супина *žat*, *ležat*, *večeřat*, *zabíjat* в соответствии с инфинитивными формами тех же глаголов *žieti*, *ležěti*, *večeřeti*, *zabijěti* (примеры из [Gebauer 1958: 80]).

В-третьих, в связи с действием закона Фортунатова – де Соссюра произошло продление корневого гласного перед окончанием / формообразующим суффиксом инфинитива (но не супина!) в ряде др.-чешских двусложных инфинитивов, которое затем распространилось по аналогии на все др.-чешские двусложные инфинитивы, за исключением форм *moci*, *vrci*, *jeti*, *pěti*, *spěti*, см. [Dostál 1967: 57]. В результате долгий гласный в корне оказался почти у всех инфинитивов с односложной основой, тогда как у форм супина с односложной основой долгий гласный мог появиться лишь в результате стяжения, например, **lajaty* > *lát*, **stojaty* > *stát*, ср. [Gebauer 1958: 80]. У большинства же форм супина с односложной основой гласный был кратким (в отличие от соотносимых с ними инфинитивными формами), ср. приводившиеся выше формы *nest* – *nésti*, *spat* – *spáti*, *vlec* – *vléci*.

3. Вскоре, однако, граница между чешским супином и инфинитивом начинает размываться, причем размываться с обеих сторон.

Достаточно рано начинают фиксироваться формы инфинитива, оканчивающиеся на -t (как у форм супина). И если в текстах XIV в. примеры подобной огласовки инфинитива (*ale hybiet bude člověku* HusPost) единичны, то к концу XVI в. они уже весьма распространены [Gebauer 1958: 71].

Критерий «долгота-кратность гласного в односложной основе», уже нарушенный наличием упоминаемых выше инфинитивных форм *moci*, *vrci*, *jeti*, *pěti*, *spěti*,

еще более расшатывается появлением вариантов данных инфинитивных форм с долгим или кратким гласным, ср.: *hřmíti – hřměti, chvíti sě – chvěti sě, lpíti – lpěti, míti – měti, pníti – pněti, smieti – směti* (примеры из [Dostál 1967: 58]).

Появляются фонетически незакономерные формы супина, возникшие под влиянием форм инфинитивных, ср. *povede (vola svého) napagiet; (Zuzana) chodila do sadu procházet sě; Sába přijide pokuffet jeho; nepuojde t' Lazar macžet prstu u vodě* (примеры из [Gebauer 1958: 80]).

4. В результате всего сказанного «в XV–XVI вв. супин был полностью поглощен инфинитивом» [Широкова 1961: 247].

И действительно, хотя в опубликованной в 1672 г. грамматике чешского языка Росы супин упоминается, причем называются два типа супина, а именно *Supinum in um* (восходящий к винительному падежу соответствующего индоевропейского отглагольного существительного) и *Supinum in u* (восходящий к его отложительному падежу), речь там идет не о чешском супине, а о чешских функциональных соответствиях латинским конструкциям с латинским же супином (*eo lusum, dormitum; pugnatum est, dormitum est, cessatum est; actum est; eo à lusu; mirabile visu, auditu, difficile creditu, miserabile visu*), в качестве которых приводятся чешские конструкции с инфинитивом (*jdu hráti / spáti; divno viděti / slyšeti / těžko věřiti / litostiwo patřiti*), с отглагольным существительным (*jdu k hrání / spání; jdu od hrání; divno k vidění, k slyšení; těžko k věření / litostivo patření*), с причастием (*bylo bojováno*), с возвратным пассивом (*bojoválo se / spalo se / přestalo se*), ср. транслитерированный в современный Times New Roman соответствующий фрагмент грамматики (выделение готическим шрифтом было нами заменено выделением шрифтом полужирным):

Supinum in um.

1. *Supina exprimuntur apud Boëmos per participiale cum præpositione k vel per infinitivum ut eo lufum, dormitum gdu hráti / spáti vel gdu k hránj / spánj.*

2. *Supina quæ construuntur cum verbo sum, exprimimus per participium passivum in genere neutro, vel per præteritum neutro-passivum, ut pugnatum est, dormitum est, cessatum est. Bylo bogowáno / vel Bogowálo fe / spalo fe / přestalo fe / sic actum est, ftalo fe, &c.*

Supinum in u.

1. *Exprimuntur per participiale, od ud eo à lufu, gdu od hránj, &c.*

2. *Supina in u, quæ Latini construunt cum Adjectivis, ut mirabile visu, auditu, difficile creditu, miserabile visu, &c. exprimimus per participialia cum præpositione k ut diwno k widěnj, k flyffenj, &c. těžko k věřenj / litoftiwo patřenj &c. vel per infinitivum cum casu verbi, ut diwno widěti / flyffeti / těžko věřiti / litoftiwo patřiti [Rosa 1672: 178–179].*

5. В чешской словесности нового времени предпринимались попытки возродить супин, благо в XIX в. чешское образованное общество с латинским языком было знакомо весьма неплохо, ср. приводимые в [Gebauer 1958: 81] примеры с возрожденным супином: *vydal se vyzkoumat světa; šli podat svědectví; pan Kostka pravil, že nepřišel soudit se s nimi, ale ukázat svědectví; knížata nechvátali odkrývat oumyslů svých; jdou zabit markýze; přicházeli zabit markýze* (соответствующие формы инфинитива тогда должны были бы выглядеть как *vyzkoumati; podati; souditi se; ukázati; odkrývati; zabiti* соответственно).

Произошедшее в XX в. утверждение оканчивающейся на -t огласовки инфинитива в качестве огласовки основной, судя по всему, окончательно добило чешский супин, так как все приводимые в предыдущем параграфе формы супина (*vyzkoumat; podat; soudit se; ukázat; odkrývat; zabit*) стали восприниматься как обычные инфинитивные.

6. В грамматических описаниях современного состояния чешского языка супин, как правило, даже не упоминается, ср. до сих пор переиздаваемую классическую грамматику для гимназий [Havránek, Jedlička 1981], великолепную «Настольную грамматику чешского языка» брненских авторов [Příuční... 1996], подготовленные на корпусном материале новую академическую грамматику чешского языка [Akademická... 2013] и грамматику современного чешского языка, изданную в Карловом университете [Mluvnice ... 2010]. В крайнем случае речь может идти о примечаниях петитом типа следующего: «**Примечание:** После глаголов движения наряду с инфинитивом ранее использовался супин. В современном чешском языке отсутствует. Оставил след в виде квантитативно отличного варианта инфинитива глагола *spát* в составе фразеологизированного сочетания *jdu spat*» [Mluvnice ... 1986: 419].

Об этой же словоформе (*spat* ‘спать’ с кратким *a* после формы глагола *jít* ‘идти’) как о единственно возможном современном напоминании о бывшем супине мы читаем и в [Широкова 1961: 247], и в [Bauernöppel... 1970: 100], и в [Gebauer 1958: 81].

7. Мы решили попытаться найти формы супина / их рефлексы в текстах Чешского национального корпуса, а именно в серии современных чешских письменных текстов SYN verze 8 (4,5 миллиардов токенов без учета знаков пунктуации).

Поскольку супин как грамматическая категория в современном чешском языке не значится, то и поиск его формы с помощью соответствующей грамматической матрицы (что было бы проще всего) в Чешском национальном корпусе не предусмотрен.

7.1. Поэтому мы решили для начала определить инвентарь глаголов, которые теоретически могли бы иметь в современном чешском дискурсе, наряду с формой инфинитива, не совпадающую с ней форму супина. В принципе этот инвентарь можно было бы определить с помощью достаточно крупного словаря, однако мы захотели опереться на современный эмпирический материал непосредственно, а не на чьи-то результаты обработки этого (или какого-то еще) материала.

Поскольку речь могла идти только об односложных формах, мы задали поиск форм глагола, состоящих из трех или четырех букв и оканчивающихся на букву *t* и получили 14 243 992 примера (9 520 744 трехбуквенных и 4 723 248 четырехбуквенных). Пропустив полученный массив через убирающий дубликеты фильтр и вручную удалив то, что не могло быть образующим пару с несовпадающей формой супина односложной инфинитивной формой, мы получили список из следующих 111 форм (на данном этапе поиска мы игнорировали наличие / отсутствие у глагола возвратной частицы): *být; mít; dát; jít; žít; bát; pít; dít; bít; mýt; šít; sít; tát; vát; sát; lít; kát; výt; rýt; vít; lát; týt; čít; hrát; stát; znát; věst; brát; psát; číst; spát; jíst; zdát; ptát; přát; nést; dbát; prát; lhát; krýt; rvát; snít; zvat; lézt; ctít; hnát; dřít; řvát; vžit; cpát; hřát; přít; sžit; žrát; vézt; bdít; pást; zrát; zbýt; vřit; smýt; mást; zbit; hnít; vlát; mlít; třít; tkát; drát; plít; vlít; vrýt; klít; čnít; srát; zdít; lkát; zrýt; plát; slít; dlít; zřít; mést; tlít; zpít; blít; všít; rdít; mřit; mžit; dout; vpít; zlít; ržát; svát; vsát; nýst; sbít; clít; ztát; ssát; ždát; zvit; dnít; tmít; vbít; vsít; čtát; znýt; vjit; vtít.*

7.2. Для поиска в серии SYN verze 8 корпуса сочетаний форм глагола *jít* ‘идти’ с данными инфинитивами, а также с потенциально соответствующими этим инфинитивам формами супина использовались поисковые запросы типа ([lemma=>jít]) [word=>spát]) и типа ([lemma=>jít][word=>spat]), в результате чего ненулевые результаты сложились в следующую таблицу:

инфинитив	число контекстов с глаголом jít	потенциальный супин	число контекстов с глаголом jít
být	339	byt	18
mít	336	mit	0
dát	1446	dat	2
jít	303	jít	1
žít	410	žit	0
bát	11	bat	0
pít	219	pit	1
dít	1	dit	0
bít	53	bit	1
mýt	86	myt	0
šít	18	šit	0
sít	5	sit	0
sát	1	sat	0
lít	1	lit	0
kát	2	kat	9
rýt	6	ryt	0
hrát	8837	hrat	1
stát	177	stat	1
znát	138	znat	0
vést	91	vest	1
brát	383	brat	0
psát	295	psat	0
číst	216	čist	0
spát	13173	spat	168
jíst	243	jist	0
ptát	82	ptat	0
přát	54	přat	0
nést	2	nest	0
prát	116	prat	0
lhát	11	lhat	0
krýt	13	kryt	3
rvát	52	rvat	0
snít	11	snit	0
zvát	11	zvat	0
lézt	58	lezt	0
hnát	6	hnat	0
dřít	15	dřit	0
řvát	10	řvat	0
vžít	1	vžit	0
cpát	3	cpat	0
hřát	2	hřat	0
sžít	1	sžit	0
žrát	11	žrat	0
vézt	1	vezt	0
pást	135	past	0
smýt	113	smyt	0
zbit	19	zbit	0
mlít	3	mlit	0

инфинитив	число контекстов с глаголом <i>jít</i>	потенциальный супин	число контекстов с глаголом <i>jít</i>
<i>drát</i>	3	<i>drat</i>	1
<i>plít</i>	7	<i>plit</i>	0
<i>klít</i>	9	<i>klit</i>	9
<i>srát</i>	4	<i>srat</i>	1
<i>zdít</i>	1	<i>zdit</i>	0
<i>zrýt</i>	2	<i>zryt</i>	0
<i>slít</i>	1	<i>slit</i>	0
<i>zpít</i>	2	<i>zpit</i>	0
<i>blít</i>	2	<i>blit</i>	0
<i>mřít</i>	4	<i>mřit</i>	0
<i>zlít</i>	1	<i>zlit</i>	0

Как видно из таблицы, число контекстов с формой *spat* превышает общее число претендующих на статус супиновых форм других глаголов в несколько раз. Обратившись к найденным контекстам, мы увидим еще более показательную картину: о формах *spat* речь идет не в абсолютном большинстве, но **почти во всех случаях**, так как почти во всех контекстах, кроме контекстов с формой *spat*, краткость соответствующего гласного вызвана иными обстоятельствами:

(1) Это может быть высказывание на одном из моравско-словацких диалектов с иным, чем в литературном языке, распределением долгих и кратких гласных или же на одном из силезских диалектов, где долгие гласные вообще отсутствуют, ср.:

Každý večer sa mu hrabete po kapsách a hľadáte ho jak psa . Stejnako dyž bude chťet , převezete vás a < půjde pit > .

Odbory by štrajkovaly , že prvotligisti hrajú tak rýchlo za sebou , zatimco my museli opustiť manželky , milenky a kdo vi , kdo koho ešte a < jít hrat > fotbal .

(2) Речь может идти об омографах, о случайных совпадениях наборов букв, ср. пример с причастием, выглядящим как потенциальный супин того же глагола, и пример с существительным:

Ale < šel kryt > v keřích a střílet se dobře nedalo .

Je často nesprávně označován jako japonský Phillips , ale není navržen na to , aby < šel bit > snadno vytáhnout ven , navíc můžete drážku křížovým šroubovákem Phillips zničit .

(3) Наконец, речь может идти просто об ошибках распознавания, ср:

Před revolucí se nazýval prezidentským (Consiliul < de stat >) a byl reprezentativním sídlem despotické Ceaușescovy vlády .

Более того, те единственные два представленные в нашем материале случая, когда иная форма, нежели *spat*, может претендовать на роль супина, вполне могут быть результатом обычной типографской ошибки (не проставленная долгота), ср.:

Cyklista souhlasil s naměřenou hodnotou a policistům uvedl , že před nehodou vypil jedno pivo a po nehodě si < šel dat > do bistra několik piv a odlivek alkoholu na oslavu , že přežil , „ řekla mluvčí bruntálských policistů Pavla Tušková .

Michal Kesudis: Tak jsem někde četl , že se osamocenému afghánskému vlastíkovi na jízdním kole podařilo odvařit naše čtyři žoldáky . Přijel k nim jen co ho spatřil , < šli srat > . Totálně na odpis .

В пользу последней интерпретации говорит, в частности, то, что представленное в последнем примере скандальное высказывание М. Кесудиса цитируется не

только в ежедневнике Právo (приведенный контекст), но и еще в двух входящих в SYN verze 8 изданиях (Týden + Deníky Moravia), причем там данная форма приведена с долготой – как обычная инфинитивная.

Итак, единственная форма, которая могла бы рассматриваться в качестве формы супина в современном чешском языке и которая достаточно регулярно встречается в самых разных типах текстах, – это форма *spat*, однако и она употребляется в современном чешском письменном дискурсе в тех же контекстах на два порядка реже, чем соответствующая ей инфинитивная форма *spát* (168 × 13 173).

7.3. Что же касается рассмотренных инфинитивных форм прочих чешских глаголов, то они господствуют в современном чешском письменном дискурсе в «исходно супиновых» контекстах абсолютно, ср., например:

Hektor posílá posla k Řekům se vzkazem , ať se < jde bít > ten , komu záleží na cti řeckých dívek .

... maminka dá dobrou noc a < jde brát > prášky a Růženka sbírá večeri

Rychle najdu Clarka a pak si < půjdu číst > .

< Jdu dát > těm bestiím na dvoře jed , než nás spolykají .

Až si řekl dost a před týdnem < šel drát > ven . . .

Klasický matriarchát , rodinu vedla babička , děda < šel dřít > do dolů do Ameriky .

Měli bychom < jít hrát > . . .

Děti , < pojd'te jíst > !

Tak jestli ještě nechceš jít domů , < nepůjdeš jít > se mnou ?

... příběh o bosém Jindřichu IV . , jenž se < jde kát > k papeži do Canossy .

Víťa Baránek vyběhl , tak jsem < šel krýt > bránu .

Druhý den ráno < šli lézt > do skal .

... no jo , tak zase nám < jdete lhát >

Léky v Mostě rozemleli , říkali tomu , že < jdou mlít > kafe ,

dokud stát neuzná za dobré , že vojáci , než < jdou mřít > do bitvy , nepotřebují na to požehnání boží

Ona se smála a < šla mýt > nádobí a já jsem měl vzteka , že bude škola

Propánakrále , Kája < jde pást > . A tak brzo . Co to ?

Zase < jde pít > , pomyslela si , zase se opije .

Ale přece jen se přemůže a < jde plít > len .

Když jej Zápotočný vyzýval k bitce , měl se < jít prát > jako chlap ,

Myslím , že < půjdu psát > .

Vy mě se < jdete ptát > !

... trenér mě držel i pod krkem , ať se < nejdu rvát > .

A ostatní zareagovali , ať < jdu rvát > dom .

Copak < jdeš rýt > zahradu ?

Tak dneska vařím já . A ty si < jdi šít > .

Dánové mimochodem – ovšem jenom muži – můžou v téhle situaci zcela nepřímousky říct , že < jdou slít > vodu z brambor

Jako syn zrádce musíš < jít smýt > vinu do továrny ,

Slunce už za hory kráčí / dělný lid znaven < jde snít > / avšak my trempové radši / kol ohně budeme bdít .

... plna hrdla smát vzorným , kteří hned na apríla < šli stát > frontu u pneuservisu .

8. Суммируя изложенное, следует констатировать, что супин в современном чешском языке отсутствует, будучи полностью поглощенным инфинитивом. Что же касается сочетаний глагола *jít* ‘идти’ с формой *spat* (с кратким гласным), то в современном чешском письменном дискурсе это единственный рефлекс исчезнувшей грамматической категории, активно вытесняемый грамматически правильными, с точки зрения современной системы чешского языка, сочетаниями глагола *jít* ‘идти’ с формой *spát* (с долгим гласным).

ЛИТЕРАТУРА

Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 301 с.

Широкова А.Г. Чешский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. 352 с.

Akademická gramatika spisovné češtiny / Fr. Štícha et al. Praha: Academia, 2013. 976 s.

Bauernöppel J., Fritsch H., Bielefeld B. Kurze tschechische Sprachlehre. Berlin: Volk and Wissen Volksegener Verlag, 1970. 184 s.

Dostál A. Historická mluvnice česká. II. Tvarosloví. 2. Část. Časování. Praha: SPN, 1967. 228 s.

Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. II. Časování. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1958. 556 s.

Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha: SPN, 1981. 592 s.

Mluvnice češtiny. [2] Tvarosloví. Praha: Academia, 1986. 536 s.

Mluvnice současné češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček et al. Praha: Karolinum, 2010. 354 s.

Příruční mluvnice češtiny / Eds.: P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. Praha: NLN, 1996. 800 s.

Rosa W.J. Czechořečnost seu Grammatica Linguae Bohemicae Quatuor Partibus. Praga: Typis Joannis Arnolti a Dobrosławina, 1672. 520 s.

Trávníček Fr. Historická mluvnice československá. Praha: Melantrich, 1935. 446 s.

REFERENCES

Ananyeva N.E. (1994) History and Dialectology of the Polish Language. Moscow. 301 p. (In Rus)

Shirokova A.G. (1961) The Czech Language. Moscow. 352 p. (In Rus)

Štícha Fr. et al. (2013) Academic Grammar of Standard Czech. Prague. 976 p. (In Czech)

Bauernöppel J. et al. (1970) Short Czech Grammar. Berlin. 184 p. (In Germ)

Dostál A. (1967) Historical Grammar of the Czech Language. II. Morphology. 2. Part. Verbs. Prague. 228 s. (In Czech)

Gebauer J. (1958) Historical Grammar of the Czech language. Part III. Morphology. II. Verbs. Prague. 556 p. (In Czech)

Havránek B., Jedlička A. (1981) The Czech Grammar. Prague. 592 s. (In Czech)

Czech Grammar. [2] Morphology. Prague. 536 p. (In Czech)

Cvrček V. et al. (2010) The Grammar of Contemporary Czech 1. How to Spell and How to Speak. Prague. 354 p. (In Czech)

Karlík P., Nekula M., Rusínová Z. (1996) Portable Czech Grammar. Praha. 800 p. (In Czech)

Rosa W.J. (1672) Czechspeaking or the Grammar of the Bohemian Language in four parts. Prague. 520 p. (In Latin)

Trávníček Fr. (1935) Historical Grammar of the Czechoslovak Language. Prague. 446 p. (In Czech)

Сведения об авторе:

Андрей Иванович Изотов,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey I. Izotov,
DSc in Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a.i.izotov@mail.ru